Василий Игнатьев

Не по матушки было по Невы-реки,
Тут плыли-выплывали два гнеды тура,
Кабы встрецю им матушка родимая:
«Уж вы здраствуйте, туры, да дети малыя!» —
«Уж ты здраствуй, матушка родимая!
Кабы ты же, турица златорогая!» —
«Уж вы где же, туры, да были-спобыли?
Вы чего же, туры, да много видели?» —
«Ож мы были-то, матушка, во Шахове,
Уж мы были, восударына, во Ляхове,
Сорочинско славно полё поперек прошли,
А Куликово поле — с угла на угол,
Стольнё Киев-де град — да из конца в конец,
Не какого цюдышко не видели,
Только видели цюдышко не малое,
Как не малое цюдо, привеликое:
Выходила тут девиця младо красная,
Да в одной она рубашоцьке без пояса,
Да в одных она цюлоцьках без башмациков,
Приходила она да ко Почéв-реки,
Да брала она книгу, да лист Евангельё,
Приходила она да ко Почéв-реки,
Забродила она да по колен в воду,
А ище того поглубже — выше поеса,
А ище того поглубже — до белых грудей;
Становилась ко камешку ко серому,
Она клала-то книгу на сер-горюч камень,
А стояла она да от зари до зари,
А цитала она книгу от доски до доски,
Она сколько цитала, вдвое плакала». —
«Ох вы, глупые туры, да дети малыи!
Ох вы, глупыи туры, да неразумныи!
Не девиця выходила да младо красная —
Присвята госпожа мати Богородиця,
Она цюет над городом незгодушку,

Она цюет над Киевом великую:
Кабы Скурла-де царь да подымаетсе,
Скурлыта-де-ка царь да сын Смородович,
Со любимым со сватушком со Коршаком,
Со любимым со зятём со Коньшаком,
Со любимым племенником со Киршаком,
Объявил он, собака, да силы множество:
Впереди его, собаки, сорок тысецей,
По праву руку собаки — сорок тысецей,
По леву руку собаки — сорок тысецей,
Позади его, собаки, да числа-смету нет.
Выежжал он, собака, на чисто полё,
Хорошо он, собака, да шатры выстроил,
Баско-хо́рошо, собака, да верхи выкрасил,
Во шатры-де, собака, да столы выставил,
Он писал-де ерлык, да скору грамотку.
Выбирал он тотарина самолучшаго,
Кой получше, побольше, попроворне всех,
Кабы сам он тотарину наговариват:
„Ты поедь-ко, удалой доброй молодец,
Через заставы едь да каравульныя,
Через стены ты едь да городовыя,
У ворот ты не спрашивай приворотников,
У дверей ты не спрашивай придверников,
Станови ты коня да середь уличи,
Не приказана коня, да не привязана,
Заходи ты ко князю ко Владимеру,
Заходи ты во гриню во столовую,
Ты положь-ко ерлык да на дубовой стол,
Ты положь-ко ерлык, да скоро вон поди“».
Как увидел-то солнышко Владимер-князь,
Он увидел ерлык, да скору грамотку,
Говорит-то тут солнышко Владимер-князь:
«Уж ты ой есь, Добрынюшка Никитич сын!
Ты цитай-ко ерлык, да скору грамотку».
Как цитат бы Добрынька, усмехаетця:
«Как дают город добром, дак я добром возьму,
Не дают город добром, дак я боём возьму,
Как боём-де возьму, да кроволитьичом,

Самого-то князя я под меч склоню,
Как Опраксию-княгиню да за собя возьму,
Как соборны ихны черкви все на дым спущу».
Кабы это-де князю да за беду стало,
За досаду показалось за великую.
Кабы стал-то тут солнышко снарежатисе,
Кабы кунию-ту шубу на одно плечо,
А пухов-де колпак да на одно ухо,
Он пошел по городу по Киеву.
Кабы стречу ему бóльшая подсушина:
«Уж ты здраствуй-де, большая подсушина!» —
«Уж ты здраствуй-ко, солнышко Владимер-князь!
Уж ты што же идёшь да не по-старому —
Повеся ты дёржишь да буйну голову,
Потопя-де дёржишь да очи ясныи?» —
«Ох ты ой еси, бóльшая подсушина!
Как есь у меня над городом незгодушка,
Кабы есь у меня над Киевом великая,
Ты не знашь ле наежжого богатыря?» —
«Уж ты батюшко-солнышко Владимер-князь!
Ты не с нами думу думаешь — с боярами,
Могут они тебе способствовать».
А оттоль-де-ка солнышко вперёд пошел.
Кабы встрету ему средня подсушина:
«Уж ты здраствуй-ко, средня подсушина!» —
«Уж ты здраствуй-ко, солнышко Владимер-князь!
Уж ты что же идёшь да не по-старому —
Повеся да дёржишь буйну голову,
Потопя-де дёржишь да очи ясныя?» —
«Ох ты ой есь, средняя подсушина!
Кабы есь у мня над городом незгодушка,
Кабы есь у мня над Киевом великая,
Ты не знашь ле наежжого богатыря?» —
«Уж ты солнышко-батюшко Владимер-князь!
Ты не с нами думу думаешь — с боярами,
Могут они тебе способствовать».
А оттуль-де-ка солнышко вперед пошел.
Кабы встрету ему меньшая подсушина:
«Уж ты здраствуй ты, меньшая подсушина!» —

«Уж ты здраствуй-ко, солнышко Владимер-князь!
Уж ты што же идёшь не по-старому —
Повеся ты идёшь да буйну голову,
Потопя ты идёшь да очи ясныи?» —
«Ох ты ой еси, меньшая подсушина!
Кабы есь у мня над городом незгодушка,
Кабы есь у мня над Киевом великая,
Ты не знаешь ле наежжого богатыря?» —
«Ох ты солнышко-батюшко Владимер-князь!
Ты поди-ко по городу по Киеву,
На царевы ты зайди да больши кабаки,
На кружала ты зайди да восударевы;
Как на той же на пецьке, на муравленке,
Тут лежит-де удалой доброй молодец;
Не креста у его нету, не поеса,
Не рубашоцьки нет на ём полотненой,
Под одной он лежит да рогозиною,
Кабы всё на вине у ёго заложено,
Во царевом кабаки да всё пропито,
Он и спит ныньце тут да трои сутоцьки».
Как оттуль-де-ка солнышко вперед пошел,
Он идёт-то по городу по Киеву,
Он заходит на царевы да больши кабаки,
На кружала заходит восударевы,
Он и смотрит на пецьку, да на муравленку,
Он увидел удала да добра молодца:
«Ох ты ой есь, удалой доброй молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатьевич!
Тебе полно ле спать, да нынь пора ставать,
От великаго хмелю да просыпатися,
Уж ставай ты, Василей сын Игнатьевич,
Послужи-ко ты мне да верой-правдою,
Верой-правдою ты мне, да не изменою».
А на то-де Василей да не ослышался;
Кабы клицёт-то солнышко во второй након:
«Ох ты ой есь, удалой доброй молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатьевич!
Тебе полно ле спать, да нынь пора ставать,
От великого хмелю да просыпатися,

Уж ставай-ко, Василей сын Игнатьевич,
Послужи-ко ты мне да верой-правдою,
Верой-правдой ты мне, да не изменою!»
Как на то-де Василей не ослышелся;
Кабы клицёт-то солнышко во третéй након:
«Ох ты ой есь, удалой доброй молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатьевич!
Тебе полно ле спать, да нонь пора ставать,
От великаго хмелю да просыпатися,
Ты ставай-ко, Василей сын Игнатьевич,
Послужи-ко ты мне да верой-правдою,
Верой-правдой ты мне, да не изменою!»
А топéре Василей розбужаитсе,
От великого хмелю просыпаитсе,
Говорит-то Василей Игнатьевич:
«Уж я рад бы служить, хоть голову сложить,
Как болит-то моя буйна голова».
Наливаёт князь цяру зелена вина,
Не большую, не малу — в полтара ведра,
Кабы турей-де рог да мёду сладкова,
На закуску колаць да бел-круписьчатой,
Подаваёт-то солнышко обема рукми,
А берёт бы Василей единой рукой,
Кабы пьет-то Василей к едину духу,
А за цярой-то Васька приговариват:
«Не оммылось у Васьки да ретиво серцо,
Не звеселилась моя да буйна головушка».
А берет-де-ка солнышко во второй након,
Наливает-де цяру зелена вина,
Не большую, не малу — полтара ведра,
Кабы турей-де рог да мёду сладкого,
На закуску колаць да бел-круписьчатой,
А берет бы Василей единой рукой,
Кабы пьет-то Василей к едину духу,
А за цярой-то Васька приговариват:
«Не оммылось у Васи ретиво серцо,
Не звеселилась у Васи буйна головушка!»
Наливаёт солнышко во третей након,
Подаваёт-то солнышко обема рукми,

А берет-то Василей единой рукой,
Кабы пьет-то Василей к едину духу,
А за цярой-то Васька приговариват:
«Как оммылось у Васьки да ретиво серцо,
Звеселилась моя да буйна головушка,
Бы могу нынь служить да верой-правдою —
Не креста-то у меня нет, не поеса,
Не рубашечки нет у меня поло́тненой,
Кабы нету-то у мня да коня доброго,
Кабы нету у меня сбруни лошадиноей,
Кабы нету у мня приправы молодецкоей,
Кабы нету у меня туга лука,
Кабы нет у меня стрелоцьки каленоей,
Уж и нет у меня палицы буёвоей,
Кабы нет у меня копейчо бурзомецькое,
Кабы всё на вини да у мня пропито,
Во царевом кабаки да всё заложоно».
Как пошел тут солнышко Владимер-князь,
Он пошел к чумакам, да человальникам:
«Ох вы ой есь чумаки, да человальники!
Отдавайте всё Васиньке безденежно».
Кабы отдали всё Васиньки безденежно,
Кабы стал-то Василей снаряжатисе,
Кабы стал-то Василей сподоблетисе,
Как седлал он, уздал да коня доброго,
Как садился Василей да на добра коня,
Как тугой-от-де лук да принатегивал,
Калену свою стрелку принаправливал,
Кабы сам ко стрелы да приговаривал:
«Полети-ко ты, стрелоцька калёная,
А повыше ты дерева шарового,
А пониже ты облака ходячаго,
Залети-ко ты, стрелка, во чисто полё,
Залети-ко Скурлы ты да глазом правыим,
Уж ты выйди-ко, стрелка, ухом левыим!»
Как садился Василей на добра коня,
Погонил-де Василей во чисто полё:
Кабы сива-то грива да растилаетьсе,
Кабы хвост-де трубой да завиваетсе,

Кабы из роту коня да пламя мечетсе,
Из нозрей у коня да искры сыплютсе,
Из ушей у коня да дым столбом валит.
Пригонил-то Василей во чисто полё,
Как приехал он на заставу татарскую,
Выбирал он тотарина самолучшаго,
Как получше, побольше, потолще всех,
А схватил он тотарина за резвы ноги,
Кабы стал он тотарином помахивать,
На праву руку махнёт, дак чела улиця,
На леву руку махнёт — с переулками:
«Хоть ты тонок на жилах — не сорвешьсе,
Хошь и сух на косьи, да не изломишьсе!»
Он и всю тут силушку повыкрошил,
Он и добрым конём да всех повытоптал,
Как поехал он ко князю ко Владимеру.
Приежжат он ко князю ко Владимеру,
Как заходит во гриню да во столовую,
Как садит его солнышко за дубовой стол,
Как поит-то его да зеленым вином,
Как поит-то его трои сутоцьки.
Собиралисе все бояре толстобрюхие,
Собиралисе ко князю ко Владимеру,
Как по полу солнышко похаживат,
Тихо-смирную речь да выговариват:
«Ох ты ой еси, удалой доброй молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатьевич!
А цего же тибе да ныньце надобно?
Ты бери-ко города да с пригородками,
Ты бери-ко села да со деревнями!»
Говорит-то Василей сын Игнатьевич:
«Мне не надо города да с пригородками,
Мне не надо села да со деревнями,
Ты позволь-ко-ся мне цего мне надобно:
Я куды-де пойду, да куды по́еду,
Мне бы пити-де вино везде безденежно».
Говорят на то бояра толстобрюхие:
«Кабы нам боле Васинька не надобно.
А топере у нас Васинька отказано».

Говорит-то Василей таковы реци:
«Уж ты, солнышко батюшка Владимер-князь!
А ищэ ле я вам, Васинька, понадоблюсь?»
Говорят-то бояра во второй након:
«Кабы нам боле Васинька не надобно,
А топере у нас Васинька отказано».
Говорит-то Василей таковы речи:
А ищэ ле я вам, Васинька, понадоблюсь?»
Говорят-то бояра во третей након:
«Кабы нам боле Васинька не надобно,
А топере у нас Васинька отказано».
Как скоцил-то Василей на резвы ноги,
Он схватил-то столесенки кедровыи,
Он убил всех бояр да толстобрюхиих.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., д. Боровая (на р. Пижме) Усть-Цилемской вол. — от Осташовой Анны Денисовны, 62 г.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.